

стыре Святого Маманта и сообщает интересные для нас сведения об условиях жизни и работы в этом месте. Выполняя желание Феодосия Тырновского, патриарх поместил его в «своем монастыре», освященном во имя св. Маманта. «Та обитель, — добавляет он, — воистину была местом безмолвия и, будучи расположена за пределами царствующего града, стояла обособленно вне всякого соседства с миром и столь далеко от людской молвы, что голоса человеческого не было слышно; никто не мог к ней приблизиться, так как место это было отдаленным и недоступным для мирян».²⁷ По распоряжению патриарха для Феодосия Тырновского была отведена келья, «чтобы наслаждался молчанием и безмолвием сколько ему угодно». По словам автора жития, болгарский исихаст провел там довольно продолжительное время («Время же немало тамо пребывъ»). Вместе с Феодосием в византийскую столицу прибыли и четверо его учеников — болгар («съ четырьми своими ученикы»),²⁸ которые сопровождали его во время посещения патриарха,²⁹ а позднее перед своей смертью он давал им последние наставления.³⁰ В числе этих учеников находился и будущий болгарский патриарх Евфимий. Григорий Цамблак в похвальном слове Евфимию определенно указывает, что он «купино с отц(ь)мь (духовный отец — Феодосий Тырновский, — И. Д.) в великий приходит Константиновъ град, идеже по мале времени новаго онога Авраама (Феодосия Тырновского, — И. Д.), к господу отшедша, многими почитает слъзми новый съ Исаакъ и гробу предаеть».³¹ Высказывалось правдоподобное предположение, что Феодосий привел в византийскую столицу также и другого своего знаменитого ученика, будущего киево-московского митрополита Киприана (1376—1406).³² Сам Феодосий был писателем,³³ однако вряд ли в последние годы своей жизни мог заниматься литературной работой. В Царьграде у Евфимия и Киприана несомненно была возможность посвятить себя литературно-книжной деятельности. Григорий Цамблак, рассказывая о пребывании в Царьграде будущего болгарского патриарха, главное внимание обращает на другое обстоятельство — на его связи с царьградским обществом. По словам Григория Цамблака, Евфимий стал знаменит благодаря своей добродетельной жизни («мужа по въсюду явленна твореше добродетель»), и к нему приходило множество людей, чтобы услышать поучение. Пренебрегая «знаменитыми добродетелью мужами этого града», ромеи обращались к «убоному, нищему, неимущему и чужому пришельцу» («прещелець онъ убогий, нищий, неимовитый, странный»), и Евфимий стал широко известен в среде византийского духовенства («по среде любомудръных мужей и о небесных упражнеющих ся исправлениих»). Хотя восхваления эти и преувеличены, насыщены житийной риторикой, все-таки можно сделать вывод, что во время своего пребывания в Царьграде Евфимий установил тесные связи с образованным византийским духо-

ния книг в Болгарии в XIV в., вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, стр. 403—411.

²⁷ Ср. также перевод: В. Сл. Киселков. Житието на св. Теодосий Търновски като исторически паметник. София, 1926, стр. 28.

²⁸ В. Н. Златарски, Житие..., стр. 32, 9.

²⁹ Там же, стр. 32, 33.

³⁰ Там же, стр. 33, 17; 12—15, 23.

³¹ E. Kałużniacki. Aus des panegyrischen Literatur des Südslaven. Wien, 1901, стр. 34.

³² П. А. Сырку, К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., стр. 403—404; Хр. Попов. Евтимий последен търновски и трапезицки патриарх. София, 1901, стр. 41.

³³ См.: В. Н. Златарски. Житие..., стр. 31, 13—21.